

ИЖЕВСК

ПЛЮС

Екатерина Коновалова | Николай Леонов | Елена Карпова | Николай Орлов
Надежда Санникова | Александр Кухлевский | Марина Дегтярева

ГОРОД, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

О МЕНТАЛЬНОСТИ И ИННОВАЦИЯХ

Тема образования в нашей стране была и остается преимущественно темой вопросов. Актуальных, острых, на которые многие люди «от науки» предпочитают не отвечать... Между тем, именно в образовательной сфере проявляются наиболее характерные социокультурные, ментальные противоречия российского общества, борьба с которыми зачастую приводит в тупик бесчисленных реформ.

Мы предчувствовали, что Николай Ильич Леонов – доктор психологических наук, профессор, проректор по науке УдГУ – человек решительных и интересных ответов. И предчувствия наши полностью оправдались: ответы получились обстоятельные и многогранные. Н.И. Леонов – один из лидеров гуманитарной мысли Удмуртского государственного университета: его научные идеи в области социальной психологии, онтологии и конфликтологии получили высокую оценку специалистов, оказались резонансными в российском психологическом сообществе. Монографии, учебные пособия Н.И. Леонова были опубликованы в авторитетных изданиях Москвы и Санкт-Петербурга. К слову, такое признание – не частое явление для региональной науки.

- Николай Ильич, с какими основными проблемами Вам приходится сталкиваться в качестве проректора по науке УдГУ?

– Как проректор по науке я курирую процесс развития научной и инновационной деятельности в нашем университете. К 2009 году удалось упорядочить это направление деятельности

в УдГУ. Моя роль в данном процессе заключается не в администрировании науки с бюрократической точки зрения, а в реализации научных принципов управления, современного менеджмента в высшем профессиональном образовании. Свою структуру мы назвали УРНИД – Управление развитием научной и инновационной деятельности. Очевидно, что управлять можно только тем, что развивается. В соответствии с этим задача проректора по науке на сегодняшний день – создавать условия для того, чтобы в ВУЗе формировались инициативные группы, способствовать тому, чтобы развивалась проектная деятельность. Считаю, что конечным этапом всей этой научно-инновационной деятельности должно стать создание нового знания опережающего характера развития. Хотелось бы отметить один важный момент в своей специфической деятельности – сегодня важно чувствовать новые явления, социальные вызовы и работать на опережение. Научеёмкий компонент определяет сегодня конкурентные преимущества высшего образования. Наша жизнь сегодня такова, что она постоянно бросает вызовы, и, к сожалению, не все вузы готовы отвечать на них. Именно в этом, как мне кажется,

заключается вся прелесть нашей работы: мы не только готовы отвечать, мы готовы еще и опережать. У нас, в УдГУ, на сегодняшний день реализуется множество проектов. Так, с 2007 года была поставлена задача по организации научно-образовательных центров. Была предложена концептуальная модель, исходя из которой мы решили развитие научной и инновационной деятельности строить, опираясь на внедрение в УдГУ принципа трех «И»: интеграция, инновация, институционализация. Первое «и» (интеграция) – отражение того, что современное знание носит междисциплинарный характер и может рождаться только как результат совместной деятельности группы исследователей. Лишь в таком взаимодействии может рождаться второе «и» – инновация, т.е. производство или внедрение нового интеллектуального продукта. Третье «и» – институционализация – означает официальное закрепление разных форм организации учебных – лабораторий, отделов и т.д. Мы в нашем университете избрали форму НОЦ. И не ошиблись, наши НОЦ стали активно развиваться.

Через год или полгода президент Российской Федерации выдвинул аналогичные принципы, добавив еще и

Николай Ильич Леонов, доктор психологических наук, профессор, проректор по науке УдГУ

интеллектуализацию знания. Можно сказать, что мы сработали здесь на опережение. Когда мы заявили о такой интегративной идее, через год, оказывается, открылась федеральная целевая программа, которая поддерживает научно-образовательные центры. Университет уже к этому времени создал порядка двенадцати НОЦ. Мы сделали заявку, один из них выиграл пятнадцать миллионов на три года. Отсюда исходит мой девиз: не стоять на месте, постоянно развиваясь, приумножая, опережая. Вторая задача и самая главная беда, пожалуй, всех вузов, – это преемственность в науке, преемственность поколений. Большое внимание уделяем вовлечению молодежи в науку. Для этого мы проводим недели молодежной науки, действует самоорганизация молодых ученых, разрабатываем маршрутизацию для наших студентов и аспирантов по поддержке их научных направлений. Для этого создан центр коллективного пользования, приобретается дорогостоящее оборудование, которое стало хорошим подспорьем для проведения экспериментов, в результате которых появляются новые экспериментальные данные опережающего характера. На уровне мировых стандартов

проходит линия таких исследований. Мы стараемся, чтобы наши студенты включались в различные целевые федеральные программы по фундаментальным исследованиям. Третье – мы постоянно расширяем спектр научных направлений исследований. С этой целью мы провели инвентаризацию всех научных направлений. Эти данные систематизированы и представлены на сайте вуза. Молодой аспирант УдГУ

- Кажется, что инновации – нечто эфемерное, теоретическое. Какие конкретные инновационные программы реализуются сейчас в УдГУ?

– Начнем с того, что называется инновацией: это внедрение чего-то нового. И к слову, стоит заметить, что в России термин инновация уже дискредитирован. С чем приходится сталкиваться, когда говорим об инновациях? У людей

“ В итоге мы координируем, планируем и работаем на опережение времени, которое сегодня обусловлено инновационным контекстом России ”

может узнать все о научной деятельности в университете, о направлениях, о специалистах, о федеральных целевых программах, действующих в университете. И, конечно, ежегодно планируем нашу научную и инновационную деятельность. В итоге мы координируем, планируем и работаем на опережение времени, которое сегодня обусловлено инновационным контекстом России.

есть внутренний страх, противоречие: я новатор или не инноватор? Я начал работать в УдГУ в 1987 году. А это было время перестройки и всем преподавателям задавали примерно тот же вопрос, который сейчас задают – вы перестроились? А у меня такой предмет, как психология, где активная форма обучения – это повседневная реальность. Когда этот вопрос задали

мне, я к нему как-то спокойно отнесся, поскольку, как мне казалось, находился в контексте. Второй момент, связанный с пониманием природы инновации. На сегодняшний день, что мы относим к инновационному? Во-первых, то, что создается здесь, уникальное, и чего нет нигде. Во-вторых, инновационным может быть и то, что где-то есть, а у нас здесь этого нет, и мы стремимся «это» внедрить. Основной целью любых внедрений является порождение чего-то нового, чего не было в данной системе. В этом плане я отмечу, что в УдГУ мы идем по двум обозначенным направлениям. Создаем новые интеллектуальные продукты, которые на сегодняшний день зафиксированы в виде патентов, полезных моделей, ноу-хау. Сейчас мы подготовили заявку «инновационная инфраструктура» в рамках очередной федеральной целевой программы о создании инновационных инфраструктур в вузе и малых хозяйственных предприятиях. В стенах нашего университета, с одной стороны, реализуются инновационные проекты, имеющие фундаментально-прикладной характер. С другой стороны, мы активно занимаемся расширением горизонтов образовательных технологий, активных методов обу-

чения. Информационные технологии сегодня позволяют в совершенно другом режиме общаться со студентами. Студенту сегодня не обязательно искать преподавателя по университету, а можно, используя интернет, присылать свои контрольные работы, отчеты на электронную почту и получить оперативно обратную связь. И отговорки типа: «Мы вас не нашли» уже не срываются! Об инновациях в принципе нужно говорить либо конкретно, либо вообще не надо заниматься декларированием. Я против этих деклараций и лозунгов в массы типа: «Давайте работать по-новому». Тот, кто сам развивается, тот всегда в контексте развития или, как сейчас говорят, в нужном месте и в нужное время. С другой стороны, надо помнить, что новое - это, порой, как это в России бывает, хорошо забытое старое, которое надо помнить и знать.

- Николай Ильич, есть ли у Вас идеальный образ университета?

- Если говорить о некоем идеале, замечу, что у меня есть образцы, которым хотелось бы следовать. Университеты, как вы знаете, бывают классические, гуманитарные, технические, военные. Идеальный университет, по крайней

мере, - это нормально функционирующая система отношений ее составляющих, каждый уровень которой подчинен и на своем уровне сохраняет некую автономию, которую нельзя отождествлять с изолированностью. Я выступаю за то, чтобы каждая часть университетской системы сохраняла собственную автономию в рамках доверенной ей компетенции с одной стороны, а с другой, - чтобы каждая структура работала на конечный результат, а не решала только свои микрзадачи, игнорируя происходящее в других подразделениях. Основа нормально функционирующего университета - работающая команда, которая не живет только личными амбициями, а реализует, прежде всего, амбиции творческие, профессиональные. И когда творческие амбиции работают на развитие университета - вот это и есть идеально функционирующая система идеального университета. А в реальности мы имеем множество моделей. Удмуртский государственный университет - не исключение. У нас своя модель.

- Какие, на Ваш взгляд, тенденции глобального характера имеют место в современном гуманитарном знании? Что происходит с совре-

менными гуманитарными дисциплинами?

– Если говорить о современном гуманитарном знании, современных гуманитарных дисциплинах, я бы отметил, что каждое столетие определяет свои контексты и расставляет приоритеты. Гуманитарное знание не может не учитывать такие контексты, не может не реагировать, поскольку это движение двустороннего порядка. С одной стороны, гуманитарное знание несет в мир знание предшествующих поколений и сохраняет ментальные характеристики, с другой стороны, – знание обогащается современным контекстом, массовой культурой, оно перерабатывает и фиксирует современные реалии. Нужно понимать, что сегодняшние приоритетные ценности лет через 15 будут, возможно, на периферии, и новые ценности того времени будут определяющими, вырастет другое поколение. Одна из тенденций современного гуманитарного сознания заключается в том, что идет перестройка ценностей и, к сожалению, ценность жизни не является основной, приоритетной, поэтому, как следствие, жизнь не является ценностью общественной. Возникает пресловутый вопрос цены – сколько стоит жизнь? Мы с вами ви-

дим, что происходит изменение особенностей поведения людей в этой ситуации, меняются отношения общественные, личностные, семейные. Изменения такого рода закрепляются в различных культурных слоях. Вот вам еще тенденция: дыр в современном гуманитарном знании нет. Все плотно структурировано. XXI век становится веком конфликта менталитетов. Принципиальная вещь, поскольку наблюдаются мощные миграционные потоки мирового контекста. Конфликт сегодня является одной из форм решения проблем. А если мы говорим о конфликте менталитетов, то гуманитарное знание, вне сомнения, выполняет развивающую функцию. Следовательно, мы можем констатировать ситуацию кризиса ценностей. Но кризис – естественное явление, это просто модель переходного состояния. Иное дело – какие ценности на первый план выходят сегодня. И здесь все не очень хорошо: меркантилизм, снобизм, эротизация, криминализация. Однако радует, что на фоне отмеченного в современном обществе поддерживаются и здоровые ценности – самостоятельность, предприимчивость, ставится на первый план защита интересов национальной безопасности. Тенденция настоящего – государство все меньше заинтересо-

– Порой кажется, что в России никогда ничего рационального не было. В 60-70-е годы прошлого века было некое преобладание инженерно-технического, и актуальным был спор физиков и лириков. Полагаю, что должно быть нормальное соотношение и гуманитарной, и естественно-технической составляющих в обществе. В чем прелесть инженерно-технических специальностей в нашем университете? В том, что будущий инженер, прошедший курс гуманитарных дисциплин и находящийся в атмосфере гуманитарного знания, где рядом образцы изящного искусства, мыслит по-другому, его тезаурус шире, мировоззрение более многогранно. Очевидно, что Удмуртия до сих пор сохранила доминату технократизма. Сегодня реальный сектор экономики требует инженеров, нефтяников, теплоэнергетиков. Если включается государственный механизм и специально снижают гуманитарную составляющую, – это неэкономная экономика.

- В последнее время возобновились дискуссии о цивилизационной миссии России, российского народа. Снова «вспыхивают» различные точки зрения, возникают новые конструкты. И основное поле про-

“ Тенденция настоящего – государство все меньше заинтересовано в специалистах-гуманитариях. Снижается количество бюджетных мест на гуманитарных факультетах ”

вано в специалистах-гуманитариях. Снижается количество бюджетных мест на гуманитарных факультетах. Наблюдается экономия на своем будущем, которое закрепляется в иерархии ценностей.

- Это закономерно? Есть ли в таком снижении рациональное зерно?

блематизации – «европейскость / неевропейскость» российской ментальности. Как Вы для себя определяете место нашей страны, российской ментальности в пространстве цивилизаций?

– Европейцы, азиаты – это все научные конструкты. Финно-угорский мир – фактически тоже конструкт. Но любой

конструкт, принятый большинством, начинает «выстраиваться», развиваться, жить своей жизнью, определять актуальное поведение человека. Когда мы запустили финно-угорский проект в интегративном ключе, через полгода президент заявил в Ханты-Мансийске, что есть финно-угорский мир, что он является реальностью. Всякая идея, которая овладевает массами, как говорил Карл Маркс, она становится оружием. Каждое явление, которое порождается в процессе социального взаимодействия, требует осмысления и завершения. Для того и существует наука, чтобы упорядочить явления жизни и найти им место в общей картине мира. Поэтому, создавая эти конструкты, образы, сами того не замечая, мы становимся частью данной реальности. И когда говорят, что Россия, – по большому счету, европейская страна, я вспоминаю мысль, а может даже и предупреждение Данилевского о том, что никогда Европа не пустит Россию в Европу. История становления и развития Западной Европы связана с грабежами, крестовыми походами, кровью невинных. Так из века в век складывалось западноевропейское величие, которое ничуть не лучше величия Азии. Я считаю, что Россия должна иметь свой путь, который, быть может, будет маргинальным, неустойчивым. Не стоит этого бояться! Мы такие. Поэтому мы рефлекслирующие, переживающие. Посмотрите, русская классическая литература – пример удивительной силы переживания, этого экзистенциального опыта в таком количестве нет в других словесных культурах. Ядром западного мира является Америка, где преобладают такие ценности как прагматизм и расчет. И уровень образованности людей в США ниже, чем у нас, и с духовными ориентирами там не все так просто. Однако эта страна создала такой имидж, что всем хочется жить в Америке. Потому что американцы прекрасно работают над созданием иллюзии демократии. На политической арене успешен как раз тот, кто может управлять иллюзией масс. На мой взгляд, в таком поведении больше

интолерантного, чем толерантного. Самодостаточность нации проявляется в зеркале языка. Западноевропейские нации привязаны к своему языку – в Германии, Франции язык является национальной гордостью. Осознается ли величие русского языка его носителями? Это большой и болезненный вопрос... Кроме того, глобализация обостряет и обнажает многие проблемы современности...

- Глобализация способствует стиранию ментальных характеристик...

– Глобализация как раз и несет такую угрозу. Глобализация не заложила механизмы сохранения национального. Глобализация для меня – синоним американизации: когда приезжаешь в Америку, чувствуешь, что американцам не очень интересно сохранять индивидуальность, если ты не гений. Главный принцип: живи так же, как они. Начинается стирание, обезличивание. В России аналогичный сюжет имел место – в эпоху СССР. Мы уже в Советском Союзе глобализацию отрепетировали. Смысл глобализации, по всей видимости, – подтянуть до определенного уровня развития народы, культуры. Но мы же понимаем, что этот проект не совсем реализуемый. Этот проект обрекает человечество на

унификацию и деиндивидуализацию. Каждый человек от природы уникален, индивидуален. И быть как все, – по меньшей мере, противоестественно. Срабатывают защитные механизмы. К счастью, появляется сопротивление – это и антиглобалисты, другие общественные движения, которые сигнализируют идеологам глобализации о несовершенствах их идей.

- Человеком какого вида искусства Вы себя считаете?

– Я пишу философско-иронические четверостишия. Называю их – иронички. Поэтому я, прежде всего, человек поэтического, литературного искусства, не лишенный жизнеутверждающего оптимизма и жизненного прагматизма.

- Находите ли время на художественную литературу?

– Нахожу. В свое время я прочитал почти всю мировую классику – русскую и западноевропейскую. Мне кажется, что многие произведения в современной литературе держатся на «бродячих» переходящих сюжетах: отсюда некоторая предопределенность сценарных типов поведения героев. Просто каждая историческая эпоха привносит свои контексты, нюансы. Новые жанры – фэнтези, психологические триллеры – привлекают мое внимание в настоящее время. Тем более раньше мы были лишены доступа к этому жанру. У моего сына большая библиотека современной литературы. Он всем этим управляет, погружается в эти океаны. Делится со мной впечатлениями, активизирует мой интерес к современной словесности. Приходится довольно много читать научную литературу, – в том числе, кандидатские, докторские диссертации, руководство которыми я осуществляю или являюсь оппонентом при их защите. В художественной литературе же меня должна захватывать идея, мысль. Замечаю, что в восприятии текстов играет роль не столько профессия, сколько жизненный опыт. Есть книги, которые я читаю долго. Они, по преимуществу,

философского характера или другой логики рассуждения. Их надо читать постепенно, постигая логику развития мысли. Я обязательно во время командировки прочитываю какой-либо последний детектив и параллельно с собой всегда книга из новинок, к прочтению которой надо постепенно приступать. Командировки бывают часто. Поэтому в дорогу, чтобы скоротать время, всегда беру детектив. И обратно, возвращаясь, я уже кладу книжку на полку прочитанной. Это мой личный план-задание. Конечно, в командировках шлифую свои вирши, рождаются новые проекты.

- А книга Ваших стихотворений планируется?

- Вы знаете, может быть когда-нибудь и возникнет в этом необходимость. Пока я издаю другие книги. Мне сейчас доставляет удовольствие писать книги в области психологии и конфликтологии. Мои монографии, учебники и учебные пособия изданы в Ижевске, Москве, Питере. Некоторые из работ вновь переизданы и не единожды.

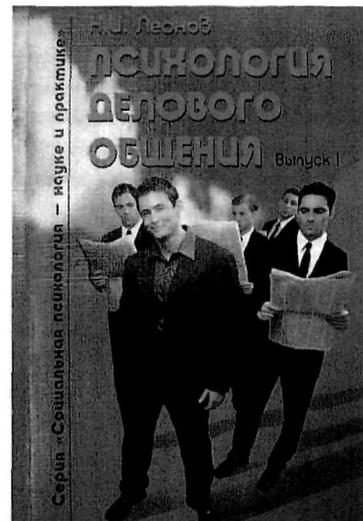
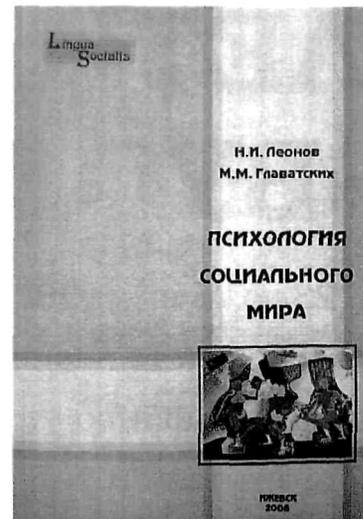
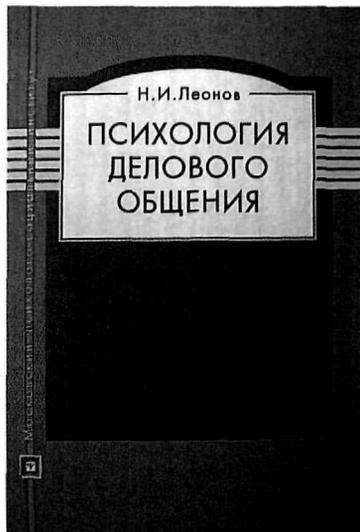
- А есть ли научный труд, который в процессе написания доставлял Вам наибольшее творческое удовлетворение?

- Все, что связано с нашим проектом – научным направлением «Онтология социальных миров».

- Как Вам удается совмещать административную должность, поэтическое творчество, научную работу?

- Это все единое, называемое - жизнь. Вектор-то один - развитие. Жизнь удивительно многообразна, поэтому приходится быть многообразным самому.

АЛЕКСЕЙ АРЗАМАЗОВ

“Каждый человек от природы уникален, индивидуален. И быть как все, – по меньшей мере, противостоит природе ”